

ПАРТИЯ ВЛАСТИ ЕЩЕ СПОСОБНА ПОБЕЖДАТЬ

Коллективный разум ее пока не оставил

Предстоящие президентские выборы, без сомнения, станут «часом великих испытаний» для нашей социально-политической системы и нашей неформальной, но достаточно сплоченной «партии власти». Смогут ли они пережить этот кризис, сможет ли система сохраниться в своих основных параметрах и что для этого необходимо?

Наша политическая система, освободившая позднесоветскую номенклатурную элиту от тисков КПСС и создавшая необходимые условия для приватизации ею государственной собственности, базировалась и базируется на том, что для большинства народа нет приемлемой альтернативы «партии власти», объединенной вокруг президента. Как бы народу ни было плохо и как бы он ни ругал начальство, на всех референдумах и президентских выборах он должен голосовать за эту «партию», ибо альтернатива ей — еще хуже. Роль ужасной альтернативы в нашей системе великолепно исполняла КПРФ и отчасти — ЛДПР. Следовательно, если не отказываться от общенародных выборов президента, пережить кризис «партия власти» может, только воссоздав в 2000 г. ситуацию 1996 г. — ситуацию единого кандидата элиты, спасающего страну от категорически неприемлемой альтернативы. Можно ли будет воссоздать эту ситуацию, что для этого нужно и что уже делается?

Прежде всего элите надо определиться с преемником Ельцина, который сплотит в решающий момент правящий класс и создаст в народе ощущение (обычно возникающее у нас при каждой перемене начальства), что отныне все будет иначе, списав основные народные беды на своего предшественника. Сейчас выявились два основных кандидата на эту роль — Евгений Примаков и Юрий Лужков. Каждый имеет, с точки зрения нашей элиты, свои достоинства и недостатки. Но возникает впечатление, что из этих двоих кандидатов наиболее приемлем для правящего класса все-таки Примаков и что с точки зрения интересов нашей элиты находка Явлинского была просто гениальной.

Дело в том, что время поставило перед элитой новые задачи. Волевой, решительный лидер, который не остановится ни перед чем, элите уже ни к чему. Ей нужны стабильность и предсказуемость. На смену «разрушителям», осуществлявшим приватизацию, должны прийти «созидатели», закрепляющие приватизированное.

Поэтому, как мне кажется, несомненные достоинства Лужкова на современном этапе эволюции нашей элиты — это скорее недостатки. Противопоставляя себя Ельцину, Лужков подчеркивает свое здоровье и относительную молодость, способность играть в футбол, трезвый образ жизни, энергию и динамизм. Но как раз это и способно повредить ему. Элита не может не чувствовать, что если он придет к власти, то надолго и всерьез, и ее не может радовать перспектива распространения на всю Россию того режима «твердой руки», который установился в Москве. В Лужкове есть элементы непредсказуемости и неуправляемости, которые были совершенно необходимы для лидера элиты в 1991 г., но вряд ли нужны ей в 2000 г. Задолго до выборов

московский мэр уже наговорил, как мне кажется, много «лишнего», что должно отпугивать элиту (он слишком уж активно стал настаивать на отставке Ельцина, слишком уж горячо борется за Севастополь, упрекая МИД и косвенно Примакова в том, что их интересы расходятся с интересами России, слишком часто говорит о возможности пересмотра результатов приватизации).

Примаков, с точки зрения элиты, куда ближе к идеалу. Этот человек, неуклонно, хотя и без резких и драматических скачков, делавший карьеру при всех генсеках и президентах и при всех режимах, лишенный чрезмерных и рвущихся наружу личных амбиций, как бы воплощает преемственность позднесоветских и постсоветских времен и плавную эволюцию нашей элиты от «застоя» через «перестройку» и далее. И как во времени он был приемлем для всех руководителей от Брежнева до Ельцина, так и в «политическом пространстве» он приемлем практически для всех группировок элиты — от коммунистов до «яблочников».

Основной вопрос сейчас, несомненно, это выбор нашими, теперь неформальными и аморфными ЦК и Политбюро, между этими двумя главными кандидатурами и недопущение раскола. Выбор будет крайне труден, тем более что совершать его придется при наличии совершенно иррационального фактора — президента, который то вроде бы совсем уже плох, то вновь оживает, и который думает не о спокойной и организованной передаче власти, а лишь о себе и своей семье. Опасные грозовые раскаты, возможно, предвещающие начало бури, уже прозвучали (странное письмо Примакова, первая атака Лужкова на премьер-министра). И все же мне кажется, есть некоторые шансы, что все может решиться относительно мирно. Дело в том, что в пользу Примакова действует еще один фактор — преклонный возраст нашего премьера. Примаков если и будет президентом, то уже ясно, что лишь один срок, и это оставляет для более молодых кандидатов, прежде всего для Лужкова, надежду добиться своего уже в 2004 г., а пока — уступить место старшему. Таким образом, есть некоторый шанс, что «партия власти» сможет прийти к 2000 г. относительно единой и относительно сплоченной.

Однако найти подходящего преемника — это еще полдела. Нужно подыскать ему и соответствующего соперника. Во второй тур должен пройти тот, кто заведомо проиграет в нем кандидату власти. Здесь у политической элиты тоже большие трудности и тоже есть определенная перспектива их преодолеть. Трудности заключаются в том, что коммунистическая верхушка, нормальные представители мирной позднесоветской номенклатуры, уж очень устала от своей роли — быть очень радикальной и опасной и поэтому не способной победить. Она уже давно успокоилась, приняла «необратимость перемен» и хочет министерских постов и не менее красивой жизни, чем у тон части номенклатуры, которая в свое время оказалась пошустрей и перебежала к Ельцину. Но как только коммунисты окончательно интегрируются в «партию власти», они потеряют способность мобилизовывать протестный электорат, который может захватить некто с более реальными шансами на победу.

Кроме того, окончательная интеграция коммунистов может вызвать очень большие напряжения и даже раскол в «партии власти». Например, если бы осуществился союз коммунистов с Лужковым, это практически наверняка означало бы возникновение наряду с этим «левым центром» какого-либо достаточно мощного «правого центра». А такой раскол означал бы разрушение всей сложившейся политической системы и возникновение принципиально новых отношений. Но как гениальная находка Явлинского спасла или, вполне возможно,

спасет (все еще может быть) нашу элиту от угрозы раскола в процессе избрания преемника, так и по-своему «гениальная» выходка Макашова спасла ее от другой угрозы — оказаться без неприемлемого для общества и слабого врага. Коммунистические лидеры не решились радикально отречься от макашовского антисемитизма, боясь потерять ярко антисемитскую часть своего электората и продемонстрировать чрезмерную респектабельность, СМИ постарались извлечь из макашовской выходки максимум, а Лужков был вынужден резко выступить против КПРФ.

Все получилось совершенно замечательно. Коммунисты ослаблены своим «полувахждением» во власть. Противостоя Примакову, а не Ельцину, Зюганов уже не может кричать о преступлениях оккупационного режима. Но одновременно они так и не стали для большинства приемлемой альтернативой: большинство русских людей не проголосует за кандидата, снисходительно отнесшегося к призыву повесить «десять жидов». С точки зрения интересов правящей элиты, СМИ совершенно правильно раздули «дело Макашова», а «партия власти» совершенно правильно отказалась включать коммунистов в свои ряды. Они полезны и нужны не как друзья, а как враги.

Но «партии власти» надо не только сохранить коммунистов как врагов, надо сохранить их достаточно сильными, чтобы именно их кандидат смог пройти во второй тур. Элита должна тщательно оберегать Зюганова, не допуская, чтобы место главного противника оказалось занятым кем-то, кто действительно хочет и может победить. Такой человек есть, и «вы его знаете». Настоящая опасность, угроза ломки всей нашей политической системы исходит сейчас только от Александра Лебеда — от человека, умеющего ругаться на «хозяев жизни» матом, привлекая этим протестный электорат, но одновременно способного вести беседы с Мадлен Олбрайт, подающей тем самым знак его «респектабельности» и относительной приемлемости для Запада. Только такое сочетание качеств способно ослабить страх общества перед жуткими последствиями своего собственного протеста и разбить единство правящего класса, привлекая какую-то часть и бизнесменов, и интеллигенции.

Красноярские выборы губернатора в прошлом году продемонстрировали, нашей элите, пожалуй, единственную ситуацию, при которой может рухнуть созданная ею политическая система. Но сейчас триумфально победивший Лебедь находится в труднейшей для него ситуации. Он вступил в решающую битву с красноярской элитой (в Красноярске, судя по всему, сложилось мощное единство всех группировок элиты во главе с криминальной), битву на чужом для него поле, где его врагам известен каждый кустик и где им помогает сама «родная земля». Так что шансы его на победу (а чтобы прорваться на общероссийское поле боя, ему нужна не просто победа, а победа яркая, драматическая, которую не смогут замолчать неконтролируемые им и враждебные ему СМИ) не так уж велики.

Разумеется, предсказать, что будет в 2000 г., невозможно. Но если наши рассуждения правильны, у российской элиты есть определенные шансы относительно безболезненно пройти через кризис 2000 г., воссоздав ситуацию псевдоальтернативных выборов. И в последнее время она сделала ряд правильных шагов в этом направлении. Иногда даже создается впечатление, что кто-то мудрый очень правильно расставляет фигуры на нашей шахматной доске. Но это иллюзия. Таких умников нет. Есть другое.

В КПСС была такая формула — «коллективный разум партии». Эта формула схватывает какую-то очень глубокую и, может быть, не до конца понятную социальную реальность. У отдельных представителей правящих кругов соображения могут быть настолько примитивны и наивны, что, когда о них узнаешь (например, план создания двухпартийной системы Черномырдина и Рыбкина), трудно в это поверить. Но в конечном счете из частных и самых простых соображений, усилий и движений возникает мощная и продуманная стратегия. У правящего класса есть некий инстинкт, какое-то встроенное в них особое чувство, заставляющее выбирать в целом правильный, безопасный путь. И мы видим, что он его нащупывает. Разумеется, этот инстинктивный выбор правильной стратегии — явление относительное и временное. Когда меняется общество в целом, когда оно перерастает данную систему, как это произошло с коммунистической системой, коллективный ум отказывает. Но очень похоже, что существующая у нас причудливая политическая и экономическая система господства обуржуазившейся номенклатуры пока что нам вполне соответствует, и перерастет ее общество разве что в следующем веке (или тысячелетии).